

Владимир КРУПИН

У бездны на краю

Армия — это навсегда. Да если ещё в этой армии испытал свою юношескую любовь. Никогда не забыть библиотекаршу нашей части Валентину, офицерскую жену, умницу и красавицу. Но тут же вспоминается и Витя Желтухин.

Сначала о нём. Витя — стройбатовец. Мы с ним были делегатами окружной комсомольской конференции. Он выступал в числе других, и выступал очень пламенно: — Да, мы — стройбат! И что? Разве мы не бойцы? А нас не учат стрелять, нам дали только на присяге за автомат подержаться. Какие мы солдаты — одно название. Дым ломами ворочаем. А если война?

Вите хлопали. Потом я ехал в свою часть в пригородной электричке и вижу его. Подсел.

— Тебе что, пострелять хочется?

— А то! А ты что, можешь устроить? Ну, старик, за каждый выстрел по бутылке.

— Без штанов останешься.

У меня, как у старшины дивизиона, было много патронов для личного оружия. Сроки их хранения соблюдались неукоснительно, но начальству оружейного склада было всё равно, в каком виде я сдаю устаревшие патроны. Только чтоб число полученных и сдаваемых совпало.

Стрельбы были часто, два-три раза в месяц. Во время стрельб полигон охранялся, а после оцепление снималось. Обычно я задерживался, чтобы всё проверить, оставить порядок. Так что в это время было элементарно дать Вите стрелнуть. Из карабина СКС. Автоматы Калашникова тогда были засекречены. Ещё стояли на вооружении автоматы ПППШ. Была шутка: «Автомат ПППШ стреляет не спеша, бьёт метко, попадает редко».

Конечно, Витя знал, где находится стрельбище. Когда шли стрельбы, да если ещё стреляли враз солдаты нескольких батарей, казалось, будто шёл настоящий бой.

И мы договорились. Как раз вскоре стреляли молодые солдаты, которые обязаны были перед присягой пройти боевую подготовку. Я велел Вите дожидаться окончания стрельб и, когда уйдёт охрана, тогда прийти.

Витя стрелял плохо: чего с него взять — стройбат. Но его восхищал сам процесс стрельбы. Да и карабин его изумлял. Десятизарядный, вдребезги разносит одним выстрелом половую доску. В доску Витя попал. И помечтал:

— Да, вот бы с таким на кабанов!

Мы с Витькой стремительно, как бывает в юности, сдружились. Тогда же он признался: в стройбат его определил райвоенком, чтобы спасти от суда.

— За что?

— За любовь! У нас с ней, Галюнчиком звал, было всё на мази, свадьбу намечали. Тут её родители жениха ей, богатенького Буратину, нашли. Рыдала на груди: «Витя, а что я сделаю?» Я надрался, пришёл к нему, убивать не хотел, только морду просто начистить. Да перестарался. Далее, как говорится, по тексту. Посадили. Жду суда. Вдруг прямо в камеру, в КПЗ, как в песне, «приходит мне повестка: явиться в райвоенкомат». И вот я тута ...

— ...и уже делегат. Орёл!

— А кого у нас выбирать, если не меня?

— А Галюнчик?

— Уже родила. Эх, да что! — Витя саданул из СКС последний раз. И прямо даже поцеловал карабин. — Такой бы с собой на гражданку, а? Зажму?

— Зажмай. А мне трибунал.

Витька достал пачку дорогих сигарет, для ракетчиков явно недоступных.

— Ну и родила, — рассуждал он. — И что? Приеду — ребёнок готовый. Весь в меня. Не могу её забыть! Но и простить пока не могу.

Посидели на бруствере. Я даже Витьке и свои стихи почитал. Их я для одного женатого ефрейтора написал: «Эх, жись, хоть плачь, хоть матерись: три года я геррой. Раз мы крепки — крепка страна. Раз мы не спим — молчит война, а я не сплю с женой». И ещё, про подлинный случай в части: «Он уезжал в армию, впервые

— Слышь, это ты сам? Сам? Ну, ты нормально! Слышь, ты мне, будто бы от меня, для Галюнчика напиши. Её стихи прошибут, она культурная. Девчонки вообще от стихов балдеют. Ты изложи так, что я, мол, парень простой, но грязь собирать, на стору ходит, не буду. А если и выпью, то просплюсь. Напиши ей: всё помню. Особенно, как шёл её провожать и черёмухой обмахивал. Сочини, что пишу из ракетной части. Да? Обещаешь?

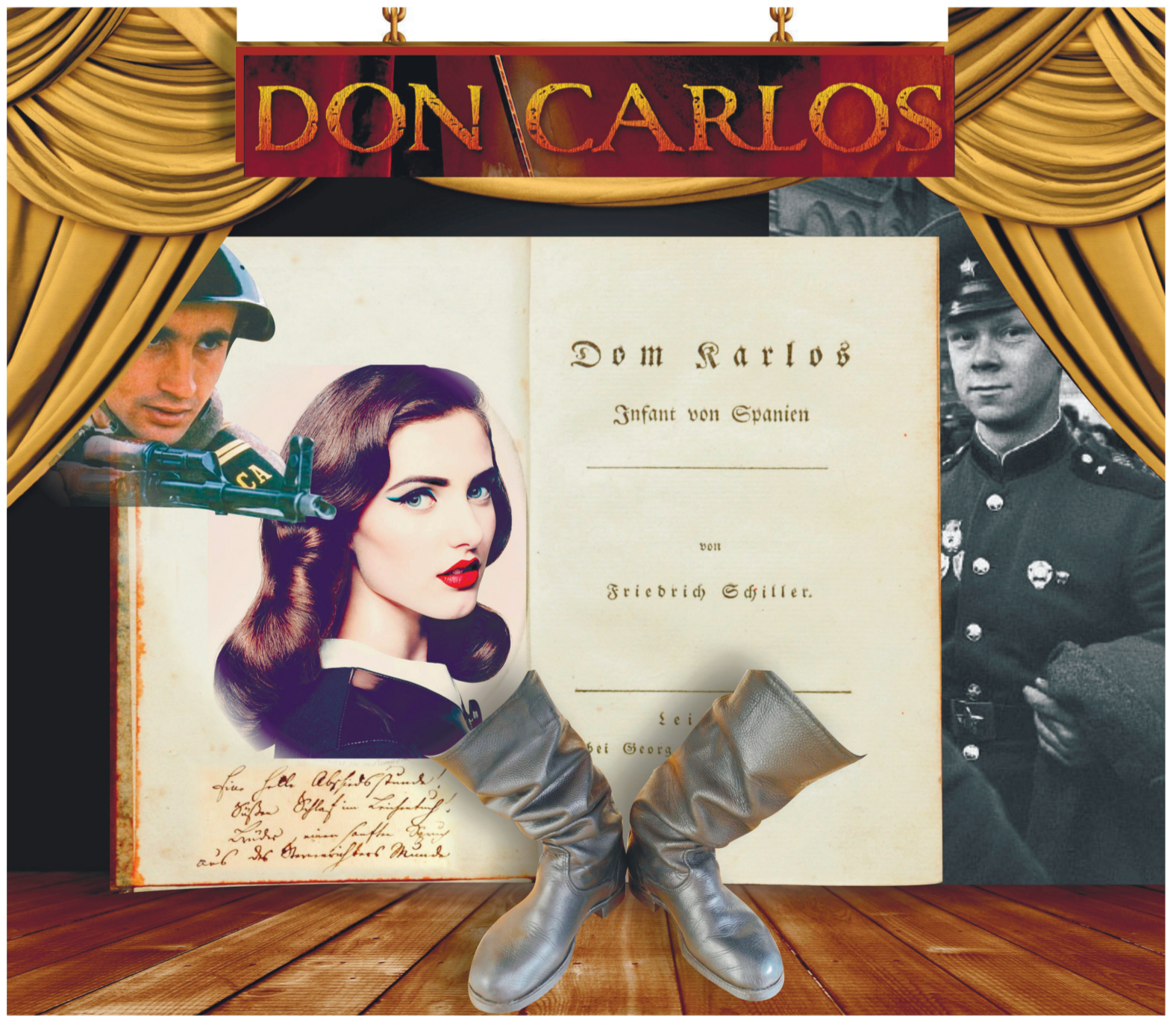
— Не только девчонки стихи любят.

И я неожиданно, даже сам для себя, признался, что влюблён в библиотекаршу части. Что говорить, не просто влюблён, а страстно.

Валентина, конечно, прекрасно знала о моей влюблённости: говорили об этом и стихи мои, и цветы, и постоянные разговоры на литературные темы. Она до замужества закончила филфак университета. И занималась со мною, готовила к

А потом выходила в своём строгом сером платье и, объявив: «А теперь остаётся сообщение товарища старшего сержанта проиллюстрировать», читала стихи. И как читала! Это, может быть, от моего преклонения пред нею, но мне казалось, что никто не мог бы лучше, чем она, прочесть и Маяковского, и Блока, и Есенина и требуемого политотделом Некрасова. Негромко, спокойно, без жестов, но так сердечно и проникновенно, что стояла полная тишина. Когда же дочитывала, то аплодисменты обнаруживали, что в зале очень много людей. И когда старшины кричали: «Выходи строиться!», то поднимался такой гром, порождаемый отодвиганием стульев, и такой грохот от топая сапог, что она шутливо прикрывала уши.

Зал мгновенно пустел. Она собирала книги, я отвязывал леску и говорил, что не хочу, совсем не хочу беспривязного содержания. И именно в этом зале я впервые по-

влюблённый, как дитя в куклу. Она ждала старые арии, сердце у парня стучалось. Пришли три записки взамен на двадцать конвертов-криков. «В солдата влюбляться — не надо ей риска», — сказали друзья-критики... Нужно рассказ убыстрить про медленный бег дней, падающих под откос. Для него вся жизнь в ней. Себе в сердце выстрелил, заступив на девятый пост. Конец бывает ли хуже? Как часовой, он подлец. Она заезжала с мужем, зашла на могилу, пожалала плечами: «Глупец!»

Стихи, конечно — полная слабина, но Витьку потрясли:

экзаменам в вуз по русскому языку. Литературы я не боялся, а на разборах всяких согласований и примыканий, частей речи и членов предложений, синтаксических и морфологических, буксовал и без её помощи не справился бы с ними. То есть мои частые хождения в библиотеку были как бы узаконены. Тем более я очень помогал ей в работе с личным составом: мы делали литературные вечера. Я выступал с докладом, например, о Маяковском и, любя его, начинал горячиться, торопиться, тогда она, стоявшая за кулисами, тормозила меня, незаметно дёргая за леску, которую мы заранее привязывали к моему сапогу.

целовал её. Как-то само получилось. Когда хлопнули двери за последним солдатом, я просто рванулся к ней и поцеловал. Она отшатнулась. Молча пошла из зала.

— Мне уже некуда деться, я «прекрасно болен, у меня пожар сердца», — сказал я громко.

Она будто не слышала.

— Не надо провожать, книги не тяжёлые. — И после паузы, не глядя на меня: — Тебе лучше больше не приходите.

Но как я мог не прийти? У меня уже до того доходило, что если я её хотя б полчасика не вспоминал, то потом себя упрекал за беспамятство. И, конечно, пришёл прямо